

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

УДК 39 (4/9)

Т. А. Гончарова

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛЯКОВ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Раскрывается роль конфессионального фактора в процессе идентификации поляков, а также показывается тесная связь его с этнической идентичностью и ролью в межэтнических отношениях. Автором прослеживается изменение форм и механизмов поддержания конфессиональной идентичности на протяжении XX в.

Ключевые слова: *этническая идентичность, конфессиональный фактор, католики, поляки, Томская область.*

Одним из важных факторов этнокультурной адаптации является религиозный. Конфессиональные институты не только выступают местами религиозной службы, но и выполняют этноконсолидирующие функции, способствуя сохранению национальных традиций. Вероисповедальный принцип был основным в поисках и сохранении национальной идентичности. Устойчивая тяга к отправлению обрядов своей веры была, пожалуй, самым ярким проявлением сложившегося самоощущения индивида как представителя своего этноса [1, с. 195–196]. Действие этого фактора усиливается применительно к конфессиональным меньшинствам. Именно конфессиональный фактор стал для польского населения Томской области важнейшей формой поддержания собственной инаковости.

При внешнем обилии информации по религиозной жизни этноса актуальным остается вопрос о взаимосвязи конфессиональной и этнической идентичности. В указанном аспекте важной становится проблема самого источника. Идентичность с полным правом можно определить как тонкую едва уловимую субстанцию, лишь косвенно выраженную в большинстве привычных источников. В этой связи особую значимость приобретают полевые материалы, позволяющие проникнуть в мотивацию выбора той или иной идентичности, и такой вид делопроизводственной документации, как хозяйственные книги, в которых содержится результат осуществленной самоидентификации. Кропотливость работы по выявлению и формированию корпуса источников актуализирует региональный уровень исследования, в том числе и на уровне отдельной области.

Несмотря на то, что в XVII – первой половине XVIII в. пребывание католиков в Сибири носило достаточно массовый характер, своих священников у них не было. И только в начале XIX в. по Высочайшему соизволению жившим в Сибири като-

ликам было разрешено иметь свои религиозные общины и своих священников [2, с. 110]. В Томске первый католический костел открылся в 1833 г. Появление костелов в сельской местности в границах современной Томской области связано с пореформенным переселением и пришлось на начало XX в. На прилежащих к Томску территориях католические храмы имелись в пос. Двуреченский, д. Ольговка. В границах современного Кривошеинского района костел располагался в с. Белосток. Следует отметить, что появление на томской земле костелов связано с присутствием здесь и латышского этнического компонента. Так, католический храм имелся в д. Маличевка, населенной латышскими католиками. Вместе с Белостокским они составили Белостокско-Маличевский приход.

Существует мнение, что конфессиональная жизнь в «чужом регионе» формировала собственные поведенческие стереотипы у каждой этноконфессиональной группы. Ссылные поляки ощущали себя чужеродным элементом, пестующим свой замкнутый мир и «конфессиональную непорочность» и предпочитающим статус маргинала возможности получения гражданских прав, если для последнего надо было отказаться от ценностей, определяющих идентичность. Но со временем их взгляды были трансформированы [1, с. 199].

Представляется, что следование религиозным традициям связано со стремлением подчеркнуть свою инаковость, в том числе и в этнической сфере. Вместе с тем намерение обозначить себя как самостоятельную этнокультурную группу однозначно не предполагает обособленность и нежелание интегрироваться в новое сообщество. Более того, именно на интеграцию в сибирское общество были нацелены пореформенные переселенцы: ехали в Сибирь, чтобы обосноваться здесь и жить. Поляки-католики строили на сибирской земле храмы

с тем, чтобы стать хорошо узнаваемой частью нового этнокультурного пространства.

В XIX – начале XX в. при стабильном функционировании религиозных институтов соблюдение или несоблюдение норм культовой практики во многом определялось личным выбором человека. В 1920–30-е гг., несмотря на атеизм как государственную идеологию, еще сохранялись условия для поддержания религиозной идентичности. Она служила важным компонентом в процессе социализации детей. Детство нынешнего старшего поколения старожилов как раз и пришлось на время сосуществования двух разнонаправленных мировоззренческих векторов – атеизма и религиозной веры. В силу указанного обстоятельства представители этого поколения еще хранят в памяти формы и механизмы поддержания религиозной идентичности.

Особенности религиозной жизни поляков изредка представлены и в документах. Например, в отчетной документации польского бюро Томского губкома РКП(б) содержатся меткие замечания относительно религиозности населения польских деревень. Так, в документе, датированном 1920 г., отмечается, что жители с. Белосток «по настоящее время фанатичны в отношении религии» [3, с. 46]. Кстати, аналогичная характеристика имеется и в отношении латышей-католиков из близлежащей д. Маличевка: «Население тех местностей стоит на чрезвычайно низком уровне культуры. Народ этот если имеет какую-нибудь культуру, так только ту, которую получает в костеле... У них даже еще национального самосознания нет, а только религиозное» [3, с. 50]. Не изменилась ситуация и спустя десятилетие. Причем тонкости религиозного поведения отмечены местным жителем. Так, из показаний Майсака Мартина Осиповича – члена правления общества потребителей – жители Белостока «до фанатизма религиозны. Чтут свою религию и своих ксендзов и за последнего готовы пойти на все. К его приездам готовятся за неделю, а то и за две. Все приезды ксендза Гронского обязательно совпадают с какими-либо советскими кампаниями... За время его нахождения в деревне никакой работы проводить было нельзя, т. к. все население шло к нему» [3, с. 79–80]. Даже в 1937 г. – в год закрытия костела – в с. Белосток шло богослужение по поводу, как было отмечено в документе, «польской Пасхи» [3, с. 131].

Документальные свидетельства можно дополнить эмоциональными сюжетами, сохранившимися в памяти нынешних старожилов. Воспоминания относятся ко второй половине 1920-х гг. По рассказам жительницы г. Томска польки Я. П. Барановской, конфессиональная сфера сохранялась в указанный период и в условиях городской жизни.

Каждое воскресенье всей семьей ходили в костел, где в этот день было многолюдно. Богослужение в те годы велось как на польском языке, так и латыни. Мать Я. П. Барановской пела в церковном хоре. Сама она, будучи девочкой, поднималась «на хор», где сидела рядом с органистом. Ярким эпизодом осталось воспоминание, когда ей дали корзиночку с цветами, которые она должна была разбрасывать во время службы [4].

Приобщение к религиозным традициям происходило и посредством общения со священнослужителями. В декабре 1921 г. пастор томского римско-католического костела сообщил о том, что два раза в неделю у него на квартире собирались дети прихода по желанию родителей. Обучались Закону Божию всего 6 человек, остальные занимались дома, так как не могли посещать занятия из-за отсутствия одежды и обуви [5, с. 319–320].

Однако обозначившаяся в начале 1920-х гг. тенденция вмешательства в религиозную сферу постепенно переросла в политику советского правительства. По данным 1934 г. в Кривошеинском районе один из двух костелов бездействовал и использовался в качестве склада [3, с. 98–99]. Костел в с. Белосток был закрыт в 1937 г., в Томске – в 1938 г. По мере возможности бывшие прихожане старались сохранить предметы из храма. Так, иконы – «образа» – из разрушенного костела разместились в домах жителей д. Польская Малиновка, где и хранятся до нынешнего дня.

Антирелигиозная кампания сопровождалась преследованием служителей культа. К ним применялись разные меры от лишения избирательных прав до ссылки и смертных приговоров. Еще в 1921 г. был расстрелян настоятель Белостокско-Маличевского прихода ксендз Франтишек Грабовский, позже сельскими активистами из села изгнан ксендз Николай Михасенок [6, с. 24]. В 1937 г. по делу о шпионско-диверсионной деятельности проходил К. О. Александрович, который был ксендзом в польском костеле в д. Двуречье с 1932 по 1935 г. [7, л. 79].

Однако, несмотря на разрушение культовых мест, элементы религиозного поведения продолжали поддерживаться в семейно-бытовой сфере: ежедневные молитвы, соблюдение постов. Один из информаторов вспоминал свое детство: «Приходил из школы 24 декабря и знал, что завтра Рождество: на столе были постные блюда – постный борщ с «ушками» (похоже на пельмени с грибами), селедка, жареная рыба, но уже готовились праздничные на следующий день» [4]. Как правило, на крупные религиозные праздники в городе собирались все члены семьи.

В сельской местности сохранялись и коллективные формы празднования. Так, удалось получить

сведения о праздновании Иванова дня (7 июля) жителями деревни Польская Малиновка. Собравшись компанией, поляки ходили по деревне, приветствуя всех словами: «*Как на Яна ночка мала, вечер добрый, господинка*». Приняв на себя образ просящих – «*Яков дети побирюшки*» – они просили подаяний: «*Просим сыра и горилки*». В благодарность за угощение хозяевам обещались различные блага:

«Если дашь нам сыра, то на лето даст бог сына,
Будет зваться Петросечком, Ванин сыночек.
Если дашь нам масла бочку, то на лето даст бог дочку,
Будет зваться Магдаленкой, Ванина дочка».

Если в семье были холостые сын и дочь, то им обещали устройство семейной жизни: «*Если дашь нам сыра, то на лето выдашь сына...*» («*Если дашь нам масла бочку, то на лето выдашь дочку*»). В благодарность за угощение звучали такие слова: «*Спасибо, господинка, спасибо молодая. Народи тебе боже и дай тебе боже*» и дарились цветы. По поверью, ими нужно было «вымыть» крынки, дабы злые духи не «отобрали» у коровы молоко. В том случае, если просящим отказывали в угощении, хозяева в свой адрес могли услышать слова угрозы: «*Лежи, лежи, як колода, лежи, лежи, як знилая*» [4].

Примечательно, что польский язык отчасти сохранился благодаря религиозной сфере. Как отметила одна информантка, она знает «на польском три молитвы» [4].

С ликвидацией религиозных институтов формой конфессиональной консолидации поляков оставались католические кладбища. Следует отметить, что местные жители четко проводили грань между «русским» и «польским» кладбищем, имея в виду православное и католическое. В Томске до начала 1950-х гг. просуществовало католическое кладбище, заложенное еще в первые десятилетия XIX в. рядом с городским православным Вознесенским кладбищем [2, с. 103]. Польские кладбища имелись не только в однонациональных поселениях, но и в деревнях, где поляки составляли компактную группу. Так, польские кладбища располагались между деревнями Речица и Николаевка, в д. Спассо-Яйка, в д. Осиновка.

Конфессиональная идентичность настолько прочно утвердилась в этнической идентичности поляков, что порой доминировала над этнической. Удалось обнаружить похозяйственные книги с уникальной информацией, согласно которой термин «католик» используется в качестве этнонима. Речь идет о д. Осиновка и д. Никифоровка Кожевниковского района, в которых польский компонент был весьма представителен. Прежде чем представить выявленные материалы, следует обратить внима-

ние на ряд моментов делопроизводственного характера. В похозяйственных книгах конца 1930-х гг. национальность указывалась только у главы семьи. С 1940-х гг. появилась новая форма, где запись о национальности должна присутствовать у всех членов семьи, но чаще она по-прежнему относилась лишь к главе семейства, у прочих наличествовала либо пустая графа, либо знак «-//-/-», очевидно, означающие «то же». В этой связи корректно будет вести разговор о главах семейств, имея в виду при этом, что аналогичная информация касается всей семьи.

Согласно данным похозяйственных книг 1938–1939 гг., местные жители предпочитали называть себя «католиками». Их насчитывалось 9 человек, 7 из которых по фамилии Адамович, а также Дробушева и Сокдар. Поляками в это время записались только 2 человека. Примечательно, что один из них по фамилии Осиненко решил лишь на формулировку «из поляков». В 1940–1942 гг. по частоте употребления терминов перевес оказался на стороне «поляков»: указаны 15 поляков и 5 католиков. В 1943–1945 гг. в деревне фиксировалось 3 католика, и все по фамилии Адамович. В 1946–1948 гг. католичкой записалась лишь Фекла Осиповна Адамович. В 1949–1951 гг., согласно данным похозяйственных книг, католиков в деревне не отмечено, а вышеупомянутая Ф. О. Адамович записана полькой [8].

Сходная ситуация отмечена и в близлежащей д. Никифоровка. К сожалению, похозяйственные книги ограничены лишь тремя годами – 1938–1940 гг. По данным 1938–1939 гг., в качестве самоназвания использованы термины «поляк» и «католик». Среди последних были Чухновы, Повицкие (или Повлицкие), Ликаревич, Грик. В 1940 г. все они записались поляками [9].

Таким образом, представленный материал свидетельствует о том, что в начале 1940-х гг. фиксируются признаки доминирования этнической идентичности над конфессиональной. Однако можно лишь предполагать причины произошедшей перемены. Идет ли речь о смещении акцентов с религиозного самосознания на этническое, либо фиксирование национальности в это время приобрело более регламентированный характер, и мы имеем своего рода пример «предписанной» идентичности.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют вести речь о замещении одного вида идентичности другой лишь с конца 1930-х гг., так как с этого времени похозяйственные книги вводятся в документооборот. Можно предположить, что указанное явление имело место и в более ранний период.

Несмотря на десятилетия борьбы с религиозной верой и конфессиональной идентичностью, они не

были истреблены. Своего рода показателем острой потребности поляков в молитвенном доме может служить обращение в 1956 г. в совет по делам религии при Совете Министров СССР. В письме содержалась просьба о создании в Томске прихода Римско-католической церкви и возвращении общины костела. Под письмом было собрано свыше тысячи подписей [10, с. 129].

В современном процессе этнического возрождения религиозный фактор играет решающую роль. Сегодня конфессиональные общности превратились в важный элемент социальной структуры общества [11, с. 4]. Критерием «польскости» для поляков-сибиряков становятся прежде всего принадлежность к католицизму и самоидентификация поляком [12, с. 67]. Как видим, этническая и конфессиональная идентичности по-прежнему тесно сопряжены друг с другом. Сегодня на территории Томской области костел имеется не только в Томске, но и в с. Белосток.

Религиозная принадлежность являлась и является важным фактором, определяющим характер взаимодействия с окружающим иноэтничным населением. Так, в условиях православного большинства конфессиональная идентичность поляков выступала мощным этнодифференцирующим фактором. Соблюдение поляками католического календаря в повседневной жизни актуализировалось как фактор, дистанцирующий их от окружающего православного населения.

Несовпадение ритмов обрядовой практики и, как следствие, хозяйственной жизни приводило к территориальному размежеванию разноэтничных групп населения. Так, по воспоминаниям современных старожилов, первоначально в пос. Владимировский, основанном в 1898 г., кроме русских поселились выходцы из Белоруссии и польских губерний. Однако через несколько лет русские, белорусы и поляки обособились, создав собственные населенные пункты. В пос. Владимировский остались белорусы, русские обосновались в д. Дубровка, а поляки основали д. Польская Малиновка (примерно в 1900 г.). От местных жителей удалось получить трактовку причины распада единой деревни: «одни работают – другие молятся» («одни работают – другие поют») [4]. В данном случае однозначно указаны этноконфессиональные различия как главный фактор территориального обособления.

Конфессиональный фактор также имел значение в брачно-семейной сфере. Несмотря на то, что православная церковь не запрещала заключение браков между людьми, принадлежащими к разным ветвям христианства, межконфессиональные бра-

ки являлись скорее исключением, чем правилом. Так, в конце XIX в., по сведениям А. Кауфмана, поляки пос. Сухореченский вступали в брак только между собой [13, с. 70]. Отсутствие брачных связей между русскими и поляками подтверждается материалами, собранными Н. А. Томиловым. Как сообщали информаторы, «до революции русские женились лишь с русскими, а с поляками из Гродненки и Малиновки не женились» [14, с. 20]. В памяти современных старожилов сохранился случай, когда молодым разрешили венчаться только после того, как женщина приняла католическую веру [4].

Трудно определить временную границу, за которой разное вероисповедание перестало служить преградой и межконфессиональные браки превратились в привычное явление. Обращение к похозяйственным книгам показало, что уже к началу 1940-х гг. конфессиональный фактор в брачно-семейной сфере утратил свое значение. Так, в вышеупомянутой д. Осиновка в 1940–1942 гг. проживало несколько семей, где одним из супругов значился «католик». Примечательно, что речь идет о разных вариантах смешанных русско-польских семей: как муж, так и жена могли быть католиками [8]. В начале 1940-х гг. польско-украинские семьи Соболевских, Стеликовских зафиксированы в д. Тихомировка [15], в д. Бороковка Асиновского района [16]. К концу 1950-х гг. в с. Малиновка Томского района, куда постепенно перебирались поляки из близлежащей исчезающей д. Польская Малиновка, насчитывалось уже 26 русско-польских семей [17].

Таким образом, конфессиональная идентичность выступала важным средством адаптации к разноэтничной среде и позволяла сохранить свою инаковость. Первоначально центрами религиозной жизни были институциональные формы – приходы, костелы. Конфессиональная идентичность и связанная с ней практика продолжали существовать и в 1920–30-е гг., хотя именно в этот период начинает проявляться антирелигиозная направленность государственной политики. После закрытия костелов религиозная жизнь оказалась сосредоточенной прежде всего на семейном уровне при сохранении коллективных форм в сельской местности. В качестве механизмов поддержания религиозной идентичности выступали польские кладбища. О тесном переплетении религиозной и этнической идентичности свидетельствуют примеры взаимозаменяемости понятий «католик» и «поляк». Принадлежность к католицизму вплоть до настоящего дня является одним из признаков «польскости». Религиозный фактор играл важную роль в ситуации межэтнического взаимодействия с православным большинством.

Список литературы и источников

1. Кальмина Л. В. Конфессиональные меньшинства Сибири на рубеже XIX–XX вв.: региональные стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Вып. 2: сб. науч. тр. Барнаул, 2008. С. 193–204.
2. Ханевич В. А. Католическая община в Сибири в контексте истории города Томска и Томской губернии: XVII – пер. пол. XIX в. // Тр. Томского областного краеведческого музея: сб. ст. Томск, 2007. С. 92–113.
3. Из истории земли Томской. Сибирский Белосток: сб. мат-лов и док-тов. Томск, 1998. 238 с.
4. Полевые материалы автора.
5. Лукиева Е. Б. Национальные школы в Сибири в 1920 – начале 1930-х гг. // Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе в первой трети XX в. Новосибирск, 2005. С. 307–348.
6. Ханевич В. Мой сибирский Белосток // Территория согласия. 2003. № 2. С. 24–25.
7. Архив УФСБ ТО. П-2116.
8. Похозяйственные книги с. Осиновки (1938–1939 гг., 1940–1942 гг., 1943–1945 гг., 1949–1951 гг.).
9. Похозяйственные книги д. Никифоровка (1938–1939 гг., 1940 г.).
10. Сосковец Л. И. Конфессиональные особенности Западной Сибири в 50-е гг. XX в. // Американские исследования в Сибири. Американский и сибирский фронт. Вып. 2. Томск, 1997. С. 125–131.
11. Костина Н. Б. Религиозная общность: институционально-доктринальный аспект социологического исследования: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Уфа, 2001. 47 с.
12. Майничева А. Ю. Диаспора и проблема «третьего поколения переселенцев» в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2006. Вып. 7. С. 67–71.
13. Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1895. 568 с.
14. Томилов Н. А. Русские Нижнего Притомья (конец XIX – первая четверть XX в.). Омск, 2001. 198 с.
15. Похозяйственные книги д. Тихомировка (1940–1942 гг.).
16. Похозяйственные книги д. Бороковка (1940–1942 гг.).
17. Похозяйственные книги с. Малиновка (1958–1960 гг.).

Гончарова Т. А., кандидат исторических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: gta.76@mail.ru

Материал поступил в редакцию 31.05.2010.

T. A. Goncharova

CONFESSIONAL FACTOR IN ETHNIC IDENTITY OF POLES OF TOMSK REGION

The article shows the role of the confessional factor in the identification process of the Poles, as well as showing close relationships of it with ethnic identity and role in the interethnic relations. The author explores changing forms and mechanisms for maintaining religious identity of Poles throughout the 20th century.

Key words: *ethnic identity, confessional factor, Catholics, Poles, Tomsk region.*

Tomsk State Pedagogical University

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk region, Russia, 634061.

E-mail: gta.76@mail.ru